

Юрга

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 22 января, 2025

Юрга ЮРГА

■ «Юрга» – так называется сборник стихов Николая Тихонова о Туркменистане. Туркменские кони скачут по пустыне особым бегом, немного вкось, что позволяет им преодолевать дюны и другие препятствия. Такой бег и называют юргой. Поэт был восхищен и очарован суровой и пленительной красотой туркменской природы, ее трудолюбивым народом, строящим новую жизнь.

Поэт рассказал русскому читателю о том, стремительно меняется облик страны, как мужественные люди побеждают пустыню, она начинает отдавать свои богатства, превращается в цветущий оазис там, куда пришла вода.

Пустыня Каракумы потрясла воображение Тихонова бескрайностью, суровыми условиями жизни людей, проживающих здесь по долгу службы. Невыносимая жара, «жаровня сквозная» была для него особенно мучительна...

Поэт восхищался уникальной красотой ущелья Айidere, водопадами, ручьями, прохладными рощами. Это восхищение нашло отражение в стихотворении «Ущелье Айidere».

Искусство туркменского ковроткачества привлекло внимание поэта. В узорах ковра он увидел историю жизни народа, его тягу к прекрасному. Ковер для Тихонова – словно поэма, сложенная мастером, в ней присутствует и зашифрованная музыка, и «игра метафор». Созданный «по законам стиха» ковер связывает прошлое и будущее, узоры его звенят, как песня, сложенная на древнем кочевье...

В 1930 году Николай Тихонов побывал в Дейнау (ныне это этрап Галкыныш). Новая жизнь, новое землеустройство, появление на полях тракторов стало темой его стихотворения «Весна в Дейнау».

■ Полустанок в пустыне Каракум

Так вот ты какая...

Направо – жара, солончак, барханы.

Налево – бархан, солончак, жара,

Жара – окаянная дробь барабана –

По всем головам барабанит с утра.

Тут жизнь человечья особой породы –

У ней, как у соли, трещат галуны,

Отсюда до бешенства – полперехода.

Отсюда до города – как до луны.

Когда паровоз из сумрака чалого

Рванет полустанок, сорвет с якорей –

Прохлада седьмую минуту качает

Людей и дрова на дворе.

Здесь главная служба – сидеть, потеть,

Когда ж человек отпотеет впустую,

Он вытянет ноги в пыли, в желтоте –

Вселенная, я протестую!

...Но вечная эта жаровня сквозная,

Но этот громоздкий, песчаный ад,

В котором неслышно тела трещат, –

Куда он ведет – не знаю!

■ Ущелье Айidere

Ты проедешь Сумбар,

И в полуночный пар

Ты минуешь рудник Арпаклен.

И пройдешь по хребту

Через всю высоту,

Сквозь луга и сквозь каменный плен.

Где, как мертвый пастух,

Громоздится уступ,

Словно овцы – кусты на горе,

Пусти шагом коня

В жар зеленого дня:

То ущелье зовут Айidere.

Травы – брата родней,
В темножилых камней,
Родников отчekanена дрожь.
Лучше рощ, гибче вод,
Драгоценней пород
Ты в Туркмении, верь, не найдешь.
Никого не предашь,
Ты останешься наш,
Но вдохни этот воздух, какой он!
Ты отрады такой
Не встречал под рукой,
Ты такого не ведал покоя.
На большие года
Будет память горда.
Будет сердце – как конь на заре,
А в томительный час
Повторишь ты не раз:
То ущелье зовут Айдере.

■ Старый ковер

Читай ковер: верблюжьих ног тростины,
Печальных юрт печати и набег,
Как будто видишь всадников пустыни
И шашки их в таинственной резьбе.
Прими ковер за песню, и тотчас же
Густая шерсть тягуче зазвенит.
И нить шелков струной скользнувшей ляжет,
Как бубенец, скользнувши вдоль ступни.
Но разгадай весь заговор узора,
Расшитых рифм кочевничью кайму.
Игру метафор, быстрюю, как порох, –
Закон стиха совсем не чужд ему.
Но мастер скуп, он бережет сравненья,
Он явно болен страхом пустоты,
И этот стих без воздуха, без тени
Он залил жаром, ярким и густым.

Он повторялся в собственном размахе,
Ковру Теке он ямбы подарил,
В узоры Мерва бросил амфибрахий,
Кизыл-Аяк хореем заселил.
Так он играл в своем пастушьем платье
Огнем и шерстью, битвой ремесла,
И зарево тех красочных объятий
Душа ковра пожаром донесла.

■ Весна в Дейнау или ночная пахота тракторами «Валлис»

...Поля, величиной с кошму.
Канавы, стены, ямы, стены, ямы...
Но времени старания упрямы —
И «валлисы» прокатывают тьму.
Они жужжат, бормочут, невесомы,
Невидимы за переплетом рощ,
Чужою, нехозяйственной истомой
Их окружает дьявольская ночь.
...И в том дыму вся тракторная база
Свергает власть оскаленных пустынь,
Шипит земля, и, словно два алмаза,
Два фонаря глядят через кусты.

* * *

Во время поездки по Туркменистану Николай Тихонов и Владимир Луговской заключили шуточный договор: кто о чем будет писать стихи, чтобы не повторяться. Конечно же, договор этот был немедленно нарушен...

■ В.Луговскому

Я слово дал: богатства Копетдага
Стихом не трогать — другу подарить,
Пусть пишет он, как лом, лопата, драга
Пришли к горам и начали творить.
Но видел я богатства очень точно,
Не удержусь — на узкой полосе

Одной строкой скажу о них заочно,
Да, я скажу: они прекрасны все.
...Я слово дал: коней туркменистанских
Стихом не трогать – другу подарить,
Пусть пишет он баллады или стансы
Про легкость их, выносливость и прыть.
Но видел тех коней я очень точно,
Не удержусь – на узкой полосеодной строкой скажу о них заочно,
Да, я скажу: они прекрасны все.
Я слово дал: красавиц Ашхабада
Стихом не трогать – другу подарить,
Пусть пишет он их нравы и наряды,
Про новый быт всерьез поговорит.
Но видел я красавиц очень точно,
Не удержусь – на узкой полосе
Одной строкой скажу о них заочно,
Да, я скажу: они прекрасны все. Goşgular